

У Чи Шэня пересохло во рту, а сердце пустилось вскачь. В отчаянной попытке объяснить он выпалил первое, что пришло на ум:

— Если говорить о кровном родстве, то мои старшие братья — это Юнь Мяо и Юнь Лю, так что называть тебя так же было бы... не совсем правильно. А во-вторых, — он замялся, подбирая слова, — я человек прижимистый и ревнивый. Мне не по душе заводить узы со многими, поэтому, называя тебя «братом», я даю понять: не хочу, чтобы ты признавал братьями кого-то другого.

Договорив, Чи Шэнь даже почувствовал мимолетную гордость — аргумент казался ему безупречным. Он и не подозревал, что такая прямолинейность звучит куда двусмысленнее, чем он задумывал. Подобная жажда единоличного обладания, не терпящая никого третьего, — разве так выражаются обычные названные братья?

Сян Тянью уже не раз поддавался на невольные провокации Чи Шэня. Не будь он уверен, что юноша делает это без задней мысли, он бы давно «проучил» его как следует, заставив быть осмотрительнее. Но сейчас...

— Брат Юнь слишком тревожится, — мягко ответил он. — У меня те же намерения. В этой жизни я свяжу себя подобными узами лишь однажды — сегодня.

Получив это обещание, Чи Шэнь просиял. С самого появления в этом мире его не покидал страх, что он, со своей неопределенностью и слабостью, не ровня Сян Тянью. Но теперь, обретя опору в этих отношениях и наметив путь лекаря, он наконец почувствовал, как почва под ногами становится твердой.

Следующие два дня они провели неразлучно. Вместе просыпались, вместе трапезничали, гуляли по городу, любуясь видами Лошуя. Лишь однажды, заглянув в «Павильон Драгоценных Артефактов» — крупнейшую лавку в городе, — они случайно встретили Фею Мэй, которая выбирала яшмовый накопитель. Сян Тянью предложил присоединиться к ней «ради забавы».

Перед Мэй лежали две изысканные вещицы: браслет из нефрита Холодных гор и шпилька «Изумрудная вода». Оба предмета были истинными шедеврами. Колеблясь, Фея Мэй обернулась к Сян Тянью:

— Выбираю подарок для младшей сестры. Как думаешь, что лучше?

Говорили они как старые добрые друзья. Чи Шэнь невольно бросил на Фею пару пытливых взглядов, но та была в деревянной маске, скрывавшей лицо, и он, не в силах ничего разглядеть, слегка приуныл.

Сян Тянью, обладавший безупречным вкусом, придирчиво осмотрел украшения и в итоге указал на шпильку. Пока Фея Мэй отправляла служанку расплатиться, она со вздохом заметила:

— Ты всегда был невероятно придирчив. До сих пор не пойму, зачем тебе тогда сдалось топорно обрабатывать тот низкосортный кусок нефрита-сырца из нижнего мира, вливая в него столько сил, чтобы создать накопитель? Пространства там наверняка кот наплакал. С твоим-то темпом совершенствования ты рано или поздно поймешь, что эта безделушка ни на что не годна.

Услышав это, Чи Шэнь непроизвольно прижал ладонь к груди. Он не мог отвести взгляда от Сян Тянью, а в голове стучала мысль: «Низкосортный сырец из нижнего мира... Неужели тот "Тысячелетний Пу", что должен был идти в паре с моей "Фужунь"? Если это правда, то его чувства ко мне... они глубже, чем я смел надеяться».

Чи Шэнь стоял чуть позади, поэтому Сян Тянью не заметил перемены в его лице, зато Фея Мэй разглядела всё в малейших деталях.

— В свое время мне не стоило просить тебя обращаться к Матушке-Земле за помощью, — с улыбкой ответил Сян Тянью. — Теперь ты при каждом удобном случае будешь попрекать меня этим.

Фея Мэй хмыкнула:

— Получил выгоду — и еще ворчит. У моей наставницы чистейшая энергия, а ее корень духа обладает самым мощным жизненным началом среди всех стихий. Будь на твоём месте кто-то другой, он бы не просто не смог расширить пространство в том скудном камне, а попросту вдребезги разнес бы этот нефрит.

Сян Тянью перестал улыбаться, и в его взгляде промелькнула тень печали.

— Раз уж ты сама сказала, что я «непременно желал» поступить именно так, значит, у меня были на то свои причины. Слово «вопреки» часто приносит лишь сердечную боль.

Закончив с покупкой, они направились к выходу.

— Ты удивительно добр к этой своей хрупкой младшей сестрице, — перевел тему Сян Тянью.

Фея Мэй, поглаживая шпильку, бросила на него из-под маски пронизательный взгляд:

— Куда уж мне до твоей доброты к этому очаровательному юноше.

Именно в этот момент стала видна разница в положении. Служанка Феи Мэй следовала за хозяйкой, строго соблюдая дистанцию в три шага, как и положено слугам. Чи Шэнь прежде тоже придерживался этого правила, но теперь шел плечом к плечу с Сян Тянью, и тот ни словом его не упрекнул.

— Ты о Чи Шэне? — подхватил Сян Тянью. — Я как раз собирался сказать: мы связали себя узами братства. Он мне больше не слуга. Просто имей это в виду.

Фея Мэй кивнула, принимая новость, и посмотрела на Чи Шэня:

— Раз уж ты удостоился расположения брата Сяна, значит, в тебе есть что-то особенное. Но помни: этот человек мастерски ставит подножки другим, но сам никогда не остается в дураках. Дружи с ним, но не забывай мой совет: кто не пользуется выгодой, тот либо святой, либо дурак.

Сян Тянью притворно возмутился:

— И тебя еще величают Феей! Речи грубее, чем у рыночного торговца. Мало того что ничего не подарила моему брату при встрече, так еще и напраслину на меня возводишь при нем же.

— Терпеть не могу твое напускное благородство, — парировала Мэй. — Те девицы, что сохнут по тебе, пусть и дальше пребывают в ослеплении, но я не позволю юному другу Чи Шэню попасться на твою удочку.

Чи Шэнь выдавил улыбку и робко вклинился в разговор:

— Фея Мэй и мой брат, должно быть, очень близки... Я знаком с ним не так давно и о многом не слышал. Неужели он... настолько нравится женщинам?

Фея Мэй рассмеялась и, прокашлявшись, ответила:

— Скажу как есть: не знаю, как в других местах, но за два визита на Пик Богини он умыкнул немало девичьих сердец.

Сердце Чи Шэня мгновенно упало. Он вымученно усмехнулся:

— У брата облик небожителя, нет ничего удивительного в том, что люди тянутся к нему...

— Лик-то прекрасен, да нутро чернее сажи, — съязвила Мэй.

Чи Шэнь не стал спорить, решив пропустить колкость мимо ушей. Разговор быстро перешел на предстоящую Ярмарку. Фея Мэй предложила:

— Традициям этой Ярмарки уже тысяча лет. Сейчас там мало новичков, всё больше старых лис. Давайте в эти три дня будем держаться вместе. Брат Сян, если заметишь что-то неладное, подай мне знак.

Сян Тянью согласился, хотя и подразнил ее:

— Твоя игра — твои заботы. Как я могу подсказывать? Если нас поймают, накажут за нарушение правил.

— Кончай нести чепуху. Уж ты-то найдешь тысячу способов намекнуть. А если я проиграю из-за чужих козней, заставлю тебя возместить половину убытков.

Пока они шутили, Чи Шэнь почти не вступал в беседу, и его настроение окончательно испортилось. К счастью, прогулка подошла к концу, и вскоре они вернулись в постоянный двор, чтобы отдохнуть перед началом Ярмарки. Говорили, что в эти три дня Улица Неспящих превращается в бурлящий котел, где люди не смыкают глаз сутками.

Закрыв дверь в комнату, Сян Тянью, словно чувствуя неладное, принялся наставлять Чи Шэня:

— Улица Неспящих — это средоточие порока: бордели, винные лавки, игорные дома. Там фонари не гаснут до рассвета, а люди, что там живут, — прожженные плуты, чьему слову нельзя верить. Всего не предусмотреть, так что запомни: все три дня ты должен быть при мне. Ни на шаг не отходи. Стоит мне отвернуться, и ты угодишь в ловушку.

Чи Шэню это требование было только в радость. Он кивнул и, закусив губу, спросил:

— Брат... я заметил, что с Феей Мэй ты ведешь себя куда свободнее, чем с соучениками на пике. Это неспроста, верно? У вас ведь общее прошлое?

Сян Тянью усмехнулся с оттенком обреченности:

— Я распинаясь перед тобой об опасностях, а тебя волнует совсем другое. Видя, что Чи Шэнь не отступит, он пояснил: — В юности, во время странствий, мы вместе попали в переделку. Выбрались, помогая друг другу, — так и завязалось знакомство. А остальное ты слышал сегодня: я искал способ превратить нефрит в накопитель и через нее вышел на Матушку-Землю.

— Она помогла тебе исполнить желание, — кивнул Чи Шэнь. — Значит, на нее можно положиться.

— Не совсем так, — Сян Тянью покачал головой. — Я предлагал ей немало благ за помощь, но когда дело было сделано, она сказала: «Редко увидишь такого расчетливого человека в подобном ослеплении», и помогла бескорыстно. С тех пор мы и сблизились.

Чи Шэнь невольно сжал кулаки:

— Тогда мне еще любопытнее... что же это за камень такой, ради которого ты приложил столько усилий?

Сян Тянью нахмурился, в комнате повисла тяжелая тишина. Он тяжело вздохнул, запустил руку за ворот и вытянул на шнурке бирюзовый амулет.

— Я не родом с Континента Высшего Истока. Я пришел из нижнего мира, пройдя сквозь Врата Прыжка в Бессмертие. Этот «Тысячелетний Пу» мы когда-то купили вместе с младшим братом. Теперь это единственное, что связывает меня с прошлым и утоляет тоску.

Чи Шэнь уставился на изображение лотоса и рыбки на нефрите. Он едва сдержался, чтобы не выкрикнуть правду, не излить всё, что накопилось в душе. С трудом совладав с собой, он спросил:

— Так у тебя был младший брат... В этом нет ничего страшного. Пройдет несколько лет, он тоже совершит восхождение, и вы встретитесь.

Сян Тянью поморщился от боли.

— В тот день, когда я шагнул во Врата, я нес на спине его хладное тело, спасаясь от врагов. Оказавшись здесь, я так и не смог найти его останки... Все эти годы лишь в редких снах его душа приходит ко мне, и мы можем перемолвиться парой слов... Ты... почему ты плачешь?

Чи Шэнь поспешно смахнул слезы, не смея поднять глаз:

— Я просто... подумал, как сильно ты его любил. Смерть близкого — это такая боль...

— Да, в том мире он был моим единственным родным человеком. — Сян Тянью закрыл глаза, и его голос внезапно стал холодным. — Я не хочу больше об этом говорить. То, что я открыл тебе сейчас, не знает никто. Это дело для меня важнее гор, так что поклянись: никто не должен узнать об этом.

Чи Шэнь выпрямился, его голос прозвучал твердо:

— Пусть меня убьют — я и слова не пророню!

Сян Тянью, видя, как напрягся юноша, невольно смягчился.

— Когда-нибудь... если будет случай, я расскажу тебе больше. А сейчас пора отдыхать. Нам нужны силы для того, что ждет впереди.

Чи Шэнь послушно кивнул, но мысли в его голове не утихали. «Пока он помнит обо мне, — думал он, — когда-нибудь я найду момент и всё объясню. Он поймет. Может быть, после юбилея в Морском поместье Цюнлинь... Или раньше. Но сперва нужно пройти через эту Ярмарку, не тревожа его сердце».

<http://bllate.org/book/17417/1662934>